

© 2020 г. А. М. ФИЛИТОВ

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР СССР – ФРГ: ОТ ПОДПИСАНИЯ ДО РАТИФИКАЦИИ (12 августа 1970 – 3 июня 1972 года)

Филитов Алексей Митрофанович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются советско-западногерманские отношения 1970–1972 гг., от подписания до вступления в силу важнейшего документа международной разрядки – Московского договора 1970 г. между СССР и ФРГ. Раскрыты попытки консервативных сил, прежде всего в США, а также и в самой ФРГ, стремившихся затормозить процесс ратификации этого договора, в частности, путем распространения в то время в западной дипломатии метода «увязок» самых различных и не имевших отношения друг к другу вопросов (например переговоров по Западному Берлину, в которых ФРГ вообще не имела права голоса), искаженных трактовок позиции СССР в отношении Западного Берлина, Общего рынка (Европейского экономического сообщества), репараций и т.д. Также обращается внимание на противоречивые действия дипломатии ГДР, порой осложнявшие процесс ратификации договора, а также трения и конфликты различных ведомств и личностей во внешнеполитическом аппарате ФРГ по данному вопросу, таких, как Ведомство Федерального канцлера, министерство иностранных дел, БНД, посольство ФРГ в Москве. В статье детально рассматриваются действия советской стороны по преодолению противодействия со стороны сил, отвергавших договор, налаживанию взаимодействия с теми силами, которые проявляли заинтересованность в разрядке международной напряженности и развитии советско-западногерманских отношений. Статья основана на анализе более широкого, чем в предшествующих публикациях, круга источников из Архива внешней политики Российской Федерации и Политического архива МИД ФРГ, а также материалов опубликованных документальных сборников.

Ключевые слова: Московский договор 1972 г., разрядка, «увязки», Общий рынок, А. А. Громыко, В. Брандт, Э. Бар, Р. Барцель, Г. Аллардт.

A. M. Filitov

The Moscow Treaty between the USSR and the FRG: From the Signing to the Ratification (August 12, 1970 – June 3, 1972)

Aleksei Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Abstract. Research agenda in the article was centered on the Soviet-West German relations in the years of 1970–1972, from the signing to the coming into force of the Moscow Treaty which constituted the most important document of the détente. Exposed were the attempts of the retrograde forces, first of all in the USA and in the FRG proper, to slow down the process of ratification of the Treaty – by employing, in particular, the methods of lumping together the different, unrelated issues («package deals»), of misinterpreting the Soviet positions on

West Berlin, Common Market (European Economic Community), reparations, etc. Due attention was paid to the activities of the DDR diplomacy, sometimes inimical to the process of the ratification of the Treaty, as well as to the conflicts between the various institutions and actors in the FRG foreign policy community (Federal Chancery, Foreign Ministry, BND, Moscow Embassy et al.). Presented was the broad picture of the Soviet side's activities in overcoming the sabotage of the Treaty by its opponents and in promoting the cooperation with the forces interested in the détente and in the development of the Soviet-West German relations. The article was based of the wide range of the primary sources from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation and form the Political Archive of German Foreign Ministry. Also, the materials from the published documentary collections were used and analyzed.

Keywords: Moscow Treaty 1972, détente, «package deals», Common Market, A. Gromyko, W. Brandt, E. Bahr, R. Barzel, G. Allardt.

Полвека назад был подписан Московский договор между СССР и ФРГ, ставший важным фактором мира и безопасности в Европе. Процесс его выработки занял более полугода, начавшись 8 декабря 1969 г. переговорами между министром иностранных дел А. А. Громыко и западногерманским послом Г. Аллардтом. 30 января 1970 г. главой делегации ФРГ стал личный посланец канцлера В. Брандта Э. Бар. Последовали три раунда напряженных дискуссий, в результате которых к 22 мая были согласованы основные положения договорного пакета. Окончательно их оформили в ходе переговоров А. А. Громыко и министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем, которые начались 27 июля. 7 августа состоялось парафирование текста договора, а 12 августа он был в торжественной обстановке подписан председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным и канцлером ФРГ В. Брандтом.

Для вступления в силу договор должен был пройти процедуру ратификации парламентами обеих стран. Она последовала лишь спустя почти два года после акта подписания. В этой связи возникает ряд вопросов. Чем объяснить столь длительную задержку с ратификацией? Какие силы выступили против нормализации советско-западногерманских отношений? Какие аргументы они использовали? Что противопоставили действиям противников договора правительство ФРГ и советская сторона?

Эти вопросы затрагивались как в работах авторов, писавших в советский период¹, так и в более новых исследованиях², однако, как правило, оценки и выводы делались на сравнительно узкой источниковой базе официальных документов, прессы

¹ См.: Белецкий В. Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М., 1979; Алексеев Р. Ф. СССР и ФРГ: прошлое и настоящее. Советско-западногерманские отношения, 1955–1980. М., 1980; Миллюкова В. И. Отношения СССР–ФРГ и проблемы европейской безопасности. М., 1983; Кремень И. С. ФРГ: этапы «восточной политики». М., 1986.

² Павлов Н. В. История современной Германии. М., 2006; его же. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017; Максимычев И. Ф. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М., 2014. Из работ зарубежных авторов отметим: Vogtmeier A. Egon Bahr und die deutsche Frage. Zur Entwicklung der sozialdemokratischen Ost- und Deutschlandpolitik vom Kriegsende bis zur Vereinigung. Bonn, 1996; Sarotte M. E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpolitik, 1969–1973. New York, 2001; Dannenberg J. von. The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR. Oxford, 2008; Ostpolitik, 1969–1974. European and Global Responses. Ed. by C. Fink, B. Schaefer. Cambridge (MA), 2009; Niedhardt G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München, 2014. Ценные сведения содержатся в мемуарах дипломатов – свидетелей и участников советско-западногерманских переговоров. См.: Allardt H. Moskauer Tagebuch. Beobachtungen, Notizen, Erlebnisse. Düsseldorf – Wien, 1974; Bahr E. Zu meiner Zeit. München, 1996; Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999; Абрамсов П. А. Четверть века послом Советского Союза. М., 2007.

и политической публицистики. В данной статье имеется в виду расширить диапазон анализа за счет привлечения новых документов прежде всего из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а также Политического архива МИД ФРГ (РААА) и Федерального архива (Bundesarchiv) в Лихтерфельде (Берлин). Использованы также материалы имеющихся документальных сборников по внешней политике ФРГ. Статья продолжает серию работ автора, посвященных истории разрядки в центре Европы на рубеже 60–70-х годов XX столетия³.

Самым первым препятствием на пути к реализации Московского договора стала выдвинутая правительством ФРГ «увязка»: вначале должна быть достигнута договоренность между четырьмя державами по Западному Берлину, и лишь затем может начаться процесс ратификации советско-западногерманского документа. Эта «увязка» была, разумеется, искусственной. Переговоры по западноберлинской проблеме, которые начались 26 марта 1970 г., проходили вне всякой связи с переговорами между СССР и ФРГ об урегулировании их двусторонних отношений; такой связи и не могло быть, поскольку западные сектора Берлина находились под юрисдикцией оккупационных властей США, Великобритании и Франции, и боннское правительство не имело здесь права голоса. Что побудило правительство Брандта – Шееля предложить такую «увязку»? С одной стороны, это была явная уступка ретроградным силам в ФРГ, которые издавна отстаивали точку зрения о принадлежности Западного Берлина ФРГ и соответственно о ее праве если не прямо участвовать в определении его судьбы, то, по крайней мере, влиять на переговорщиков по данной проблеме – разумеется, поддерживая западные позиции. Западные державы, со своей стороны, рассчитывали использовать заинтересованность советской стороны в быстрейшем вступлении в силу Московского договора для оказания давления на нее в ходе четырехсторонних переговоров по Западному Берлину. Вполне вероятно, что в истории с данной «увязкой» именно союзники ФРГ по НАТО сыграли даже большую роль, чем западногерманская оппозиция. Интересные сведения по этому поводу содержатся в записи беседы посла ГДР в Польше Россмайсля с заместителем министра иностранных дел Польши Вильманом; последний, как отмечает Россмайсль, сообщил ему, что «Брандт и Шеель в ходе бесед связывали ратификацию Договора ФРГ с НР Польшей⁴ с “удовлетворительным урегулированием по Западному Берлину” ...К. Алерс⁵ сообщил тов. Вильману, что в этом вопросе ФРГ находится “под сильным давлением со стороны США”. Алерс сказал буквально следующее: “США нас в этом вопросе схватили за глотку”»⁶.

³ Липкин М. А., Филитов А. М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1960-х – начале 1970-х годов // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015, вып. 2. М., 2015, с. 237–282; Филитов А. М. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века // Вопросы истории, 2015, № 12, с. 98–113; *его же*. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017, № 1, с. 83–96; *его же*. Московский договор СССР–ФРГ и «Письмо о германском единстве»: от конфликта к компромиссу // Вестник МГИМО-Университета, 2019, № 12 (6), с. 46–60, и др.

⁴ Договор ФРГ с Польшей был подписан в Варшаве 7 декабря 1970 г. В отношении него западногерманская сторона предложила ту же «увязку», что и в отношении Московского договора.

⁵ Алерс Конрад (1922–1980) – руководитель пресс-службы в правительстве Брандта – Шееля.

⁶ Эта информация вошла в издаваемый Министерством иностранных дел ГДР новостной бюллетень для служебного пользования, который рассылался различным учреждениям, занимавшимся международной тематикой. Автор получил возможность ознакомиться с ними в Федеральном архиве ФРГ в фонде Статс-секретариата по западногерманским вопросам, действовавшего в ГДР с 1965 по 1973 г. См. MfAA Zentrum für Information und Dokumentation. Information # 38/XII. 9.XII.1970 // Bundesarchiv DD 2/56.

Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину было подписано 3 сентября 1971 г. В немецкой историографии высказывается мнение, что упомянутая «увязка» якобы «существенным образом способствовала успеху межсоюзнических переговоров»⁷. Поскольку история этих переговоров еще не стала предметом достаточно всестороннего и глубокого исследования, то в первом приближении имеет смысл ограничиться констатацией сомнительности этого тезиса. Как бы то ни было, казалось бы, после 3 сентября 1971 г. уже ничто не мешало начать процесс ратификации как Московского, так и Варшавского договоров. Однако этот процесс снова затормозился. Атаки на договор со стороны его противников не снизились, а даже усилились.

В этих условиях, советская сторона решила применить тот же тактический прием, который был использован ранее для давления на нее. Она выдвинула собственную «контрувязку»: соглашение по Западному Берлину не вступит в силу до тех пор, пока не будет успешно завершена ратификация обоих договоров. Западные политики и дипломаты, считавшие метод «увязок» вполне оправданным и продуктивным, коль скоро он применялся ими самими, на сей раз обрушились на него с критикой. В беседе с делегацией Госдепартамента США, состоявшейся 7 октября 1971 г., канцлер Брандт, как следует из ее официального протокола, «выразил согласие с г-ном Хилленбрандом⁸, что надо убедить Советы в том, что они этим своим демаршем затруднили ратификацию»⁹. Ссылаясь на свои впечатления от встречи с Брежневым в Ореанде, где, в частности, обсуждалась данная тема, глава западногерманского правительства заявил, что его тогдашний собеседник был вообще не в курсе дела и обратился за разъяснениями к Громыко. Тем самым Брандт как бы намекал, что речь шла о личном творчестве советского министра иностранных дел, которое не было-де согласовано с высшим руководством, а потому его и не стоит принимать всерьез. Однако никакого отступления в этом вопросе с советской стороны не последовало. Когда прибывший в Москву для переговоров лидер западногерманской оппозиции Р. Барцель повторил тезис о том, что «установление связи между окончательным завершением западноберлинского урегулирования и ратификацией договоров отрицательно скажется на сроках ратификации», он получил жесткий и категорический ответ: «А. А. Громыко подчеркнул, что ратификация договоров СССР и ПНР с ФРГ и вступление в силу соглашения по Западному Берлину должны произойти одновременно. Это единственно возможная и логичная позиция. Как известно, не советская сторона связывала эти вопросы. Но коль скоро эта взаимосвязь была установлена, то надо честно идти в этом вопросе до конца. Мы действуем честно и прямо заявляем, что для нас абсолютно неприемлемо положение, при котором западноберлинское соглашение вступило бы в силу, а договоры ФРГ с СССР и ПНР оставались бы в подвешенном состоянии. Мы искренне советуем бы руководству ХДС/ХСС подумать над этим обстоятельством»¹⁰.

Эмиссар оппозиции, между прочим, пытался подловить своего собеседника на противоречии: мол, «в одном из меморандумов социалистических государств указывалось, что попытки связывать разные по своему значению и характеру вопросы могут иметь отрицательное влияние на решение этих вопросов», он, Барцель, с этим согласен, а вот Громыко вроде бы от этой здоровой позиции отступает. Здесь можно

⁷ *Lehmann H. G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn. 1996, S. 266.*

⁸ Хилленбранд Мартин (1915–2005) — в 1969–1972 гг. помощник госсекретаря США по европейским делам, в 1972–1976 гг. — посол в ФРГ.

⁹ Aufzeichnung: Besuch von Undersecretary of State John Irwin in Bonn am 7. Oktober 1971 // PAAA. Bd. 130. Tgb. Nr. 3353/71, unpaginiert.

¹⁰ Запись беседы А. А. Громыко с председателем ХДС, председателем фракций ХДС/ХСС в бундестаге ФРГ Р. Барцелем 13 декабря 1971 года // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 16. П. 60. Д. 3. Л. 56.

было бы напомнить о той «увязке», которую ранее выдвигала западная сторона, и в свою очередь указать на противоречивость западной позиции, но Громыко предпочел не обострять дискуссию. Для историка вполне законно эту дискуссию продолжить и попытаться ответить на такой, например, вопрос: оправданно ли было для советской дипломатии отвечать западной по принципу «зеркального реагирования»? Не получилось ли так, что она объединила таким образом против себя и правительство, и оппозицию в ФРГ, а заодно и ее союзников по НАТО?

Прежде всего жесткость советской позиции и ее противостояние позиции ФРГ не следует преувеличивать. В фонде 3-го Европейского отдела (далее — ЗЕО) МИД СССР имеется любопытный документ, свидетельствующий о тесном, но не афишировавшемся советско-западногерманском взаимодействии на официальном уровне. Приводится 35 (!) примеров такого взаимодействия в виде таблицы, состоящей из двух рубрик: «Вопросы, поставленные правительством ФРГ и по инициативе советской стороны» и «Что предпринято с советской стороны». Под номером 13 в первой рубрике читаем: «Представитель МИД ФРГ говорил о том, что созданию благоприятной обстановки для ратификации договоров в ФРГ содействовала бы готовность правительства ГДР сделать жест доброй воли в плане временного применения урегулирований, касающихся Западного Берлина (Телеграмма из Бонна от 9 февраля 72)». Во второй рубрике: «22 февраля с.г. Политбюро ЦК СЕПГ и Совет министров ГДР приняли решение о временном введении в действие на пасху и троицу урегулирований, содержащихся в соглашении с ФРГ о транзитном сообщении и в соглашении с сенатом Западного Берлина о посещениях и поездках. Данный вопрос обсуждался с немецкими друзьями на заседании Политического консультативного комитета Варшавского договора в Праге (25–26 января 1972 г.), а также в беседе советского посла в Берлине с т. Хонеккером (телеграмма из Берлина № 58 от 21 февраля 1972 г.)»¹¹.

Из приведенных фактов очевидно, что советская сторона, откликаясь на просьбу западногерманских партнеров (и даже до ее официального поступления), готова была идти на определенные уступки, соответствующим образом обговаривая их с властями ГДР. Последние порой и самостоятельно выступали с инициативами, рассчитанными на то, чтобы повлиять на западногерманскую сторону в плане поддержки курса на разрядку. Такая ситуация имела место, в частности, в ходе беседы между «первым лицом» ГДР Э. Хонеккером и Э. Баром, состоявшейся 26 апреля 1972 г., — накануне решающего голосования в бундестаге, когда оппозиция попыталась отправить правительство в отставку: «Товариш Хонеккер спросил, не поможет ли правительству ФРГ в его нынешней ситуации, если бы мы уже сегодня, в духе того жеста, который мы осуществили на пасху, ввели упрощенный порядок передвижения на транзитных магистралях» (речь идет о коммуникациях между ФРГ и западными секторами Берлина; соответствующие упрощенные процедуры были обговорены в четырехстороннем соглашении, которое к тому времени еще не вступило в силу). Бар, как указывается в записи беседы, был «впечатлен этим шагом навстречу», но считал, что делать его не стоит — уж очень демонстративной выглядела попытка повлиять на решение парламента¹².

Проявление «доброй воли» со стороны ГДР в данном случае явно запоздало. Впрочем, и в прошлом позиция ее руководства не всегда содействовала делу

¹¹ Справка о реализации мероприятий по содействию ратификации в ФРГ договора от 12 августа 1970 г./12 мая 1972 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Л. 111.

¹² Dokumente zur Deutschlandpolitik, VI. Reihe, Bd. 2. Bearb. von H.-J. Küsters u.a. München, 2004, S. 520.

разрядки, особенно в период деятельности предшественника Хонеккера — В. Ульбрихта. В этом отношении имеет смысл проанализировать самую первую реакцию Берлина на заключение советско-западногерманского договора, то, как она было воспринята советской стороной и какие рекомендации немецким «друзьям» последовали. Согласно сложившейся практике, проект соответствующего заявления правительства ГДР был передан советскому послу, который в срочном порядке передал по ВЧ свои замечания в Москву — министру Громыко и заведующему ЗЕО В. М. Фалину¹³. Возражения вызвали те формулировки, в которых говорилось, что положения Договора «обязывают» ФРГ, а заодно и западные державы «без промедления» установить дипломатические отношения с ГДР. Немецким «друзьям» предлагалось снять упоминание о «Парижских соглашениях» (они в 1955 г. оформили вступление ФРГ в НАТО; косвенным образом ГДР желала лишний раз выразить свое отрицательное отношение к этому факту; однако это могло лишь дать основания противникам Московского договора для утверждений, будто он направлен на «подрыв западного сообщества»; между тем в статье 4-й этого документа констатировалось, что он не затрагивает ранее заключенных договоров и соглашений). В ходе выработки текста договора имела место жесткая полемика по поводу формулировки о границах: стороны их «признают нерушимыми» (советская позиция) или их «рассматривают» в качестве таковых (позиция делегации ФРГ)? Советская делегация пошла в этом вопросе на уступку и приняла последнюю формулировку. В связи с этим в телеграмме посольства говорилось, что «следовало бы воздержаться от употребления термина “признание”». Наконец, рекомендовалось «исключить из проекта заявления ГДР полностью абзац, затрагивающий западноберлинскую проблему». Дело в том, что в тексте договора эта проблема не была отражена, хотя западногерманская сторона на этом настаивала. Получалось, что ГДР, по крайней мере, формально смыкается с позицией ФРГ, выступая против позиции СССР!

Опубликованный текст «Заявления Совета министров Германской Демократической Республики по поводу заключения договора между СССР и ФРГ» свидетельствовал о том, что далеко не все замечания советской стороны были учтены или учтены в полной мере. Остался термин «признание», осталось критическое упоминание о Парижских соглашениях, осталась формулировка о том, что ФРГ и западные державы «должны» установить дипломатические отношения с ГДР, правда, без слов «без промедления». Полностью удалось добиться лишь исключения из текста всего того, что касалось западноберлинской проблематики, что было особенно важно, учитывая западную «увязку» ее с вопросом о ратификации Московского договора¹⁴.

Вернемся, однако, к советской «контрувязке». Мы констатировали, что она не была столь «тугой», как предшествовавшая ей западная, что делались послабления в пользу немецкого населения, но ряд вопросов остается, в частности, при каких обстоятельствах она вообще возникла, кто был ее «автором»? Неожиданный ответ можно найти в уже цитированной справке ЗЕО. Пункт 5, первая рубрика: «29 августа 1971 г. Бар в беседе с совпослом высказал пожелание, чтобы введение в силу четырехстороннего соглашения по Западному Берлину было обусловлено советской стороной ратификацией Московского договора (Телеграмма из Бонна № 1462 от 30 августа 1971 г.)»¹⁵. Выходит, что советская сторона вовсе не являлась инициатором указанной идеи, а попросту приняла предложение доверенного лица канцлера Брандта. Был ли последний в курсе этого предложения?

¹³ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 48. Д. 14. Л. 139–140.

¹⁴ Neues Deutschland, 15.VIII.1970.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Л. 108.

Судя по записи его беседы с делегацией Госдепартамента США — нет. Бар, присутствовавший на этой беседе, никак не ангажировался на этот счет. Зато в ходе своего визита в США в беседе с Никсоном он дважды назвал «глупостью» то, что он сам до этого подсказал советскому послу¹⁶. Трудно сказать, насколько американская сторона приняла за чистую монету критику Бара в отношении позиции СССР, которую он скорее должен был бы адресовать самому себе. Вряд ли Никсон или Киссинджер, который часто встречался с Баром, знали, о чем говорилось в ходе доверительных советско-западногерманских контактов. Однако определенные подозрения у них, видимо, возникли. Недаром Киссинджер отозвался о госте из ФРГ как «скользком типе (oily guy)»¹⁷. Недоверие США к «восточной политике» социал-либеральной коалиции могло только усилиться, и это был не лучший результат «личной дипломатии» Бара.

Она проявила себя и в другом контексте. Обратимся вновь к указанной справке ЗЕО. Пункт 15, первая рубрика: «Э. Бар в беседе с совпослом предлагал в связи с первым чтением договора в бундестаге ФРГ занять в советской прессе жесткий тон по отношению к противникам договоров (Телеграмма из Бонна № 381 от 3 марта 1972 г.)». Вторая рубрика: «Наше отношение к борьбе в ФРГ вокруг вопроса ратификации договоров изложено в речи Леонида Ильича Брежнева 20 марта на XV съезде профсоюзов СССР. В «Правде» от 4 марта 1972 г. была опубликована статья «Что показали дебаты в бундестаге ФРГ» за подписью «Наблюдатель»¹⁸.

Как в упомянутой речи, так и в статье «Наблюдателя» (особенно в последней) содержались, действительно, довольно жесткие формулировки, что побудило посла ФРГ в СССР Аллардта отправить в Бонн не менее жесткие их оценки: Брежнев якобы использовал тактику «запугивания», а об авторе статьи в «Правде» он выразился в том смысле, что тот своими резкими высказываниями лишь оказал услугу оппозиции: «Еще пара таких статей, и ратификации точно не будет»¹⁹. В аналогичном духе была выдержана «информация», которую в своем секретном бюллетене выдала Федеральная разведывательная служба (БНД). Вполне возможно, что между послом и БНД существовало тесное взаимодействие. Со стороны МИД ФРГ последовала резкая реакция: В. Шеель «отрецензировал» высказывания посла о речи Брежнева отнюдь не дипломатическим языком: «Редко видел более глупую интерпретацию какой-либо речи, чем эту... Если бы мы полагались на подобные “квалифицированные” изыскания при выстраивании нашей политики в отношении СССР, мы бы оказались снова в ситуации 50-х годов»²⁰. Вскоре Аллардта отозвали, и в Москву прибыл новый посол — У. Зам, более близкий по взглядам к команде Брандта — Шееля. Что же касается изысканий БНД, то высокопоставленный чиновник МИД ФРГ А. Блюменфельд²¹ охарактеризовал их следующим образом: «Такого рода примитивный и неподкрепленный фактами анализ способен лишь вызвать путаницу и сомнения... у широкого круга адресатов данного «Ситуационного доклада»,

¹⁶ Беседы Бара с американским президентом проходили в его резиденции в Ки-Бискейне 28–29 декабря 1971 г. См. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (далее — AzAP), Bd. III. München, 1971, Dok. 450, S. 1980–1989.

¹⁷ См. Hoeres P. Politik und Geheimnisverrat. Informationslecks im Kaltem Krieg. // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.XII.2010.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Л. 112.

¹⁹ AzAP, 1972, Bd. 1, S. 309–310.

²⁰ Ibid., S. 306–307.

²¹ Блюменфельд Альфред (1912–1992) — в 1967–1972 гг. руководитель отдела «Реферат Советский Союз» в МИД ФРГ, в 1972–1977 гг. первый консул ФРГ в Ленинграде, впоследствии — научный сотрудник Исследовательского института Немецкого общества внешней политики.

из которых лишь ничтожное меньшинство в состоянии вынести самостоятельное суждение»²².

Противоречия имелись не только между главой МИД ФРГ и его представителем в Москве и не только между МИД и БНД. Если сравнить сигналы, которые советская сторона от западногерманских мидовцев и от Ведомства федерального канцлера, то нетрудно заметить явную разницу: представитель Ведомства, каковым являлся уже известный нам Э. Бар, выступает с рекомендациями в духе «жестко разоблачительного» подхода к противникам договоров, тогда как из аппарата МИД поступают просьбы либо «смягчить» позицию СССР (и ГДР), либо разъяснить ее, противопоставить аргументам оппозиции собственные контраргументы в рамках деловой дискуссии. О мотивах Бара можно только гадать: вероятно, речь шла об эмоциональной реакции на ту кампанию, которую противники разрядки вели лично против него начиная с 1963 г., когда он выдвинул известную доктрину «Изменений через сближение», и которая более всего дала о себе знать в ходе и по завершении его московской миссии. Советская дипломатия оказывалась в этих условиях перед сложной задачей: к каким сигналам прислушиваться в большей степени — тем, что шли от МИД или от Бара? В пользу ориентации на мнение последнего говорила его известная близость к канцлеру и доверительные отношения, которые установились между ним и главным «германистом» советского МИД В. М. Фалиным еще во время московских переговоров и которые продолжились, когда тот в мае 1971 г. прибыл в Бонн в качестве посла.

Тем не менее об одностороннем выборе советской стороной «жесткой линии» говорить не приходится. Материалы уже неоднократно цитированной справки ЗЕО свидетельствуют, что уже в чисто количественном отношении преобладают примеры неконфронтационного, делового подхода к проблемам советско-западногерманских отношений. Речь там идет о созыве совместной комиссии по экономическому сотрудничеству, заключении торгового соглашения, предложении о начале работы по подготовке соглашения о культурном сотрудничестве, об открытии прямого воздушного сообщения между странами, предоставлении «Люфтвагзе» возможности использовать сибирский маршрут для своих полетов, о выезде из СССР этнических немцев, желающих переселиться в ФРГ, и т.д. По большинству из этих вопросов принимались постановления Политбюро ЦК КПСС, что говорило об отношении к ним как делу особой важности.

Особое внимание уделялось борьбе против искаженных трактовок советско-западногерманских переговоров и достигнутых в результате договоренностей. Характерный пример из той же справки ЗЕО. Пункт 14: «Представитель МИД ФРГ поднимал вопрос об опровержении в советской печати утверждений представителей ХДС/ХСС о том, будто Советский Союз намерен требовать от ФРГ выплаты крупных сумм репараций (телеграмма из Бонна № 227 от 9 февраля 1972 г.)». Реакция советской стороны: «Было признано нецелесообразным давать в советской печати официальное опровержение. Оценка указанных заявлений представителей ХДС/ХСС содержалась в статье, опубликованной в журнале «Новое время» «Бонн в эти дни» (февраль 1972 г.)»²³. Автором ее был тогдашний главный редактор этого популярного еженедельника, а оценка была дана вполне однозначная и хлесткая: «Почти каждый день пропагандистская кухня ХДС/ХСС выпускает в свет очередную утку», среди которых — «измышление, будто заключение договоров с Москвой и Варшавой возлагает на ФРГ многомиллиардное финансовое бремя “репараций”». Месяц спустя эта

²² Vermerk. Betr.: Lagebericht Ost des BND, den 17. März 1972 // PAAA. B 130. Bd. 4629A, unpaginiert.

²³ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Л. 112.

оценка повторилась. На этот раз критика стала персонализированной: ее мишенью стал «архиконсервативный публицист», некто Хепкер: «Видимо, из-за отсутствия аргументов он в который раз повторил клевету о мнимых репарационных претензиях — и пугает, пугает, пугает»²⁴.

Можно задаться вопросом о выборе такой «неофициальной» формы ответа на запрос представителя западногерманского внешнеполитического ведомства. Думается, дело в том, что если бы по данному вопросу был опубликован какой-то документ от имени правительства или МИД, то в нем пришлось бы более или менее подробно разъяснять суть отнюдь не простой проблемы. В информации Посольства СССР в ФРГ от 21 февраля 1972 г. по этому поводу отмечалось: «Спекулируя на вопросе о репарациях, ХДС/ХСС умышленно смешивает два разных вопроса — о государственных репарациях и о так называемом индивидуальном возмещении иностранным гражданам — жертвам нацистских злодеяний. Как известно, возможность такой компенсации предусмотрена внутренним законодательством ФРГ и осуществляется в отношении ряда государств как на индивидуальной основе, так и путем выплаты со стороны ФРГ правительству соответствующей страны согласованной общей суммы. Правительство ФРГ опровергает вышеуказанную аргументацию ХДС/ХСС, ссылаясь главным образом на то, что в переговорах с СССР и ПНР вопрос о репарациях не затрагивался и что в соответствии с лондонским соглашением 1953 г. эта проблема может стать лишь при подписании мирного договора»²⁵. Советский Союз не был участником Лондонского соглашения и не определял своего отношения к нему, а по тематике мирного договора точки зрения СССР и ФРГ далеко расходились, почему было решено в Московском договоре ее и не затрагивать. Выступать с официальными заявлениями по репарационному вопросу означало бы таким образом втянуться в сложную дискуссию не только с оппозицией, но и с правительством ФРГ, что было, конечно, явно контрпродуктивно. С другой стороны, резервируя свою позицию по данной проблематике, советская сторона оставляла за собой право и возможность вернуться к ней, когда она станет актуальной. Это случилось во время переговоров «2 плюс 4» в 1990 г., однако это право и возможность не были тогда реализованы. Лишь созданием в ФРГ в 2000 г. фонда «Память, ответственность и будущее» была решена, по крайней мере, проблема «индивидуального возмещения».

В тех же случаях, когда дискутировавшаяся между правительством и оппозицией проблема «созревала» для принятия инициативных мер со стороны советского руководства, такие меры принимались достаточно оперативно и на самом высоком уровне. В ходе уже упоминавшейся беседы с А. А. Громыко лидер западногерманской оппозиции Р. Барцель упорно ставил вопрос об отношении СССР к западноевропейской интеграции, в частности, существовавшему тогда «Общему рынку» (официальное название — Европейское экономическое сообщество, ЕЭС). Он заявил, в частности, имея в виду ЕЭС: «Это сообщество — реальность в Европе. Я задаю себе вопрос: почему СССР не готов признать эту реальность, не готов формально установить с ней отношения». На заданный вопрос последовал развернутый ответ:

«Советский Союз в принципе против деления мира на военно-политические группировки. Мы неоднократно предлагали распустить такие группировки или,

²⁴ Наумов П. Бонн в эти дни // Новое время, 1972, № 8, с. 12; Безыменский Л. Бонн после дебатов // Новое время, 1972, № 12, с. 8.

²⁵ О ходе ратификации Московского и Варшавского договоров (справка, составленная 1-м секретарем Посольства СССР в ФРГ Г.И. Елизарьевым) // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Л. 29.

по меньшей мере, их военные организации. Этот принципиальный подход относится и ко всяким другим формам замкнутых организаций... Мы наблюдаем и изучаем процессы интеграции, протекающие на западе Европы. Мы пока не знаем точно, каковы цели участников “Общего рынка”, поскольку, как нам кажется, они недостаточно раскрыты. Вы говорите, например, об этом мы слышали и от других деятелей на Западе, — что в скором времени участники “Общего рынка” не будут свободны в своих экономических отношениях с третьими государствами, в том числе и с СССР. Но что же будет конкретно означать такое положение? Тут много неясного. Вряд ли кто-либо в состоянии сказать заранее, в какой степени государства смогут сохранить лицо в рамках так называемого европейского сообщества. Судя по всему, это еще не совсем ясно и самим правительствам западно-европейских стран. В этой связи закономерен вопрос: почему же тогда требуют от нас, от Советского Союза, полного, да еще немедленного ответа. Мы будем изучать с учетом реального положения те отношения, которые у нас будут складываться со странами Западной Европы и будем делать соответствующие выводы в отношении своих действий. Однако если некоторые полагают, что мы только и занимаемся разработкой каких-то планов подрыва “Общего рынка”, то они явно заблуждаются. У нас есть и другая, более важная работа»²⁶.

Заключительные фразы этого экспозе лишали всякой убедительности доводы тех, кто говорил об «антиевропейской» направленности политики СССР и соответственно Московского договора, а именно их выдвигали оппозиция и лично Барцель. Вместе с тем четкого ответа на вопрос об отношении к ЕЭС не последовало, что не могло удовлетворить не только Барцеля, но и Брандта (кстати сказать, лидер оппозиции подчеркнул, и не без основания, что в вопросе об интеграции у него с главой правительства разногласий нет). Какой же выход был найден? Обратимся вновь к неоднократно цитированной нами справке ЗЕО. Пункт 9: «В. Брандт в беседе с совпослом в Бонне 21 февраля подчеркивал, что для правительства ФРГ очень важен факт, что социалистические страны подходят к “общему рынку” как к объективной реальности (Телеграмма из Бонна № 309 от 23 февраля 1972 г.). Вопрос об отношении Советского Союза к общему рынку» затронут в речи Л. И. Брежнева 20 марта 1972 г. на XV съезде профсоюзов СССР»²⁷. Слово «затронут», вероятно, не вполне точно; в этой речи советская позиция по вопросу, без преувеличения одному из важнейшему для судьбы Московского договора, была определена самым полным образом:

«Подбрасывают, например абсурдную идею, будто предложение о проведении совещания (имелось в виду Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. — А. Ф.) и вообще наша политика в Европе направлены на то, чтобы подвести мину под Европейское экономическое сообщество, или, как его обычно называют, “Общий рынок”. Необходимо, видимо, сказать несколько слов по этому вопросу.

Советский Союз отнюдь не игнорирует реально сложившееся положение в Европе, в том числе и существование такой экономической организации, как “Общий рынок”. Мы внимательно следим за действительностью “Общего рынка” и его эволюцией. Наши отношения с участниками этой группировки будут, разумеется, зависеть от того, в какой мере они признают со своей стороны реальности, сложившиеся в социалистической части Европы, в частности, интересы стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Мы за равноправие в экономических отношениях и против дискриминации»²⁸.

²⁶ Запись беседы А. А. Громыко с председателем ХДС, председателем фракций ХДС/ХСС в бундстаге ФРГ Р. Барцелем 13 декабря 1971 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 16. П. 60. Д. 3. Л. 43–44.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Л. 109.

²⁸ Правда, 21.III.1972.

Западногерманский посол в Москве Г. Аллардт, как уже говорилось, резко негативно отзывался об этой речи Брежнева. Он, правда, отметил, что данная в ней характеристика ЕЭС представляет собой новый элемент в советской политике, но сделал вывод, что речь шла о тактическом, чисто конъюнктурном маневре. Новейшие исследования, напротив, подтверждают тот факт, что пересмотр отношения к западноевропейской интеграции начался еще задолго до запроса Брандта и не был связан с перипетиями процесса ратификации Московского договора²⁹. Тем не менее момент для обнародования этого нового подхода был выбран оптимально. Оппозиция лишилась существенного аргумента, с которым она выступала против ратификации.

В этих условиях она перешла к действиям, которые вышли далеко за рамки корректной политической борьбы. Началась активная обработка депутатов правящей коалиции с целью переманить их на сторону противников «восточных договоров». При этом применялся и прямой подкуп. Определенные успехи здесь были достигнуты: правительственные фракции утратили большинство в бундестаге. Однако оказалось, что на поле такого рода тайных операций оппозиционеры имели не больше шансов, чем в сфере открытой дискуссии. Вотум недоверия правительству провалился. Позднее выяснилось, что два депутата от ХДС (их личности также стали известными) были перевербованы и проголосовали за сохранение правящей коалиции.

Оппозиция еще пыталась вести арьергардные бои: по ее настоянию к закону о ратификации Московского и Варшавского договоров было присовокуплено «совместное заявление» бундестага, в результате чего возникла юридическая коллизия между международно-правовыми обязательствами ФРГ и ее внутренним законодательством, согласно которому восточные договоры предписывалось трактовать как некий неопределенный «модус вивенди». Правительство пошло в данном случае на неоправданную уступку, попытавшись вдобавок заручиться согласием советской стороны. В качестве такового интерпретировался бы факт вручения текста упомянутого заявления советскому послу. Отказ от его принятия вызвал бы политический скандал и мог в последний момент сорвать ратификацию. Был предложен компромиссный вариант: посол должен заявить, что речь идет об изложении точки зрения только западногерманской стороны и резолюция не затрагивает права и обязательства, вытекающие из договора. Это и произошло.

17 мая 1972 г. бундестаг ратифицировал «восточные договоры» — Московский (248 голосами при 10 против и 238 воздержавшихся) и Варшавский (248 голосами при 17 против и 231 воздержавшихся). 3 июня 1972 г. в Бонне состоялся обмен ратификационными грамотами договора между СССР и ФРГ, а в Берлине был подписан заключительный протокол четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Таким образом, оба документа одновременно вступили в силу. Последовательная линия советской дипломатии, в которой сочетались принципиальная твердость и тактическая гибкость, сыграла в этой победе сторонников разрядки международной напряженности существенную, если не определяющую роль.

Библиография

Абрасимов П. А. Четверть века послом Советского Союза. М., 2007.

Алексеев Р. Ф. СССР и ФРГ: прошлое и настоящее. Советско-западногерманские отношения, 1955–1980. М., 1980.

Безыменский Л. Бонн после дебатов // Новое время, 1972, № 12, с. 8–9.

Белецкий В. Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М., 1979.

²⁹ См. Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016, с. 492–493.

Кремер И. С. ФРГ: этапы «восточной политики». М., 1986.

Липкин М. А., Филитов А. М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1960-х – начале 1970-х годов // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015, вып. 2. М., 2015, с. 237–282.

Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016.

Максимычев И. Ф. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М., 2014.

Милокова В. И. Отношения СССР–ФРГ и проблемы европейской безопасности. М., 1983.

Наумов П. Бонн в эти дни // Новое время, 1972, № 8, с. 10–12.

Павлов Н. В. История современной Германии. М., 2006.

Павлов Н. В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М., 2017.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999.

Филитов А. М. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века // Вопросы истории, 2015, № 12, с. 98–113.

Филитов А. М. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории, 2017, № 1, с. 83–96.

Филитов А. М. Московский договор СССР–ФРГ и «Письмо о германском единстве»: от конфликта к компромиссу // Вестник МГИМО-Университета, 2019, № 12 (6), с. 46–60.

Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, Bd. III. München, 1971.

Allardt H. Moskauer Tagebuch. Beobachtungen, Notizen, Erlebnisse. Düsseldorf – Wien, 1974.

Bahr E. Zu meiner Zeit. München, 1996.

Dannenberg J. von. The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR. Oxford, 2008.

Lehmann H. G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn, 1996.

Ostpolitik, 1969–1974. European and Global Responses. Ed. by C. Fink, B. Schaefer. Cambridge (MA), 2009.

Niedhardt G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München, 2014.

Sarotte M. E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpolitik, 1969–1973. New York, 2001.

Vogtmeier A. Egon Bahr und die deutsche Frage. Zur Entwicklung der sozialdemokratischen Ost- und Deutschlandpolitik vom Kriegsende bis zur Vereinigung. Bonn, 1996.

References

Abrasimov P. A. Chetvert' veka poslom Sovetskogo Soiuza [Quarter of Centure as an Ambassador of the Soviet Union]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Alekseev R. F. SSSR i FRG: proshloe i nastoiashchee. Sovetsko-zapadnogermskie otnosheniia, 1955–1980 [The USSR and the FRG: Past and Present. Soviet-West German Relations, 1955–1980]. Moskva, 1980. (In Russ.)

Beletskii V. N. Za stolom peregovorov. Obsuzhdenie germanskikh del na poslevoennykh mezhdunarodnykh soveshchaniakh i vstrechakh [At the Table of Negotiations. The Discussions on German Issues at the Post-War International Conferences and Meetings]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Bezymenskii L. Bonn posle debatov [Bonn after the Debates] // Novoie vremia [The New Times], 1972, № 12, p. 8–9 (In Russ.)

Falin V. M. Bez skidok na obstoiatel'stva. Politicheskie vospominaniia [Taking No Account of the Circumstances. Political Memoirs]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Filitov A. M. Treugol'nik Moskva – Vashington – Bonn v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. XX veka [The Triangle Moscow – Washington – Bonn, late 60s – early 70s of 20th Century] // Voprosy istorii [Problems of History], 2015, № 12, p. 98–113. (In Russ.)

Filitov A. M. Treugol'nik Moskva – Berlin – Bonn i politika evropeiskoi razriadki v 1969–1970 gg. [The Triangle Moscow – Berlin – Bonn and the Policies of European Détente, 1969–1970] // Voprosy istorii [Problems of History], 2017, № 1, p. 83–96. (In Russ.)

Filitov A. M. Moskovskii dogovor SSSR–FRG i «Pis'mo o germanskom iedinstve»: ot konflikta k kompromissu [The Moscow Treaty between the USSR and the FRG and «Letter on German Unity»: From Conflict to Compromise] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations], 2019, № 12 (6), p. 46–60. (In Russ.)

Kremer I. S. FRG: etapy «vostochnoi politiki» [The FRG: The Stages of the «Eastern Policies»]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Lipkin M. A., Filitov A. M. Razvitie novykh form sotrudnichestva v jeru razrjadki: sovetsko-zapadnogermanskies otnosheniia v konce 1960-h – nachale 1970-h godov [The Development of the New Forms of Cooperation in the Era of Détente: Soviet-West German Relations, late 60s – early 70s] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» [«History». Electronic Research and Education Journal], issue 2. Moskva, 2015, p. 237–282. (In Russ.)

Lipkin M. A. Sovetskii Soiuz i integratsionnyie prosessey v Evrope, seredina 1940-kh –konets 1960-kh godov [The Soviet Union and the Integration Processes in Europe, mid-40s – late 60s]. Moskva, 2016 (in Russ.)

Maksimychev I. F. Rossiia – Germaniia. Voina i mir. Ot mirovykh voyn k evropeiskoi bezopasnosti [Russia – Germany. War and Peace. From the World Wars to the European Security]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Miliukova V. I. Otnosheniia SSSR–FRG i problemy evropeiskoi bezopasnosti [The Relations between the USSR and the FRG and the Problems of the European Security]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Naumov P. Bonn v eti dni [Bonn These days] // Novoie vremia [The New Times], 1972, № 8, c. 10–12. (In Russ.)

Pavlov N. V. Istoriia sovremennoi Germanii [The History of Contemporary Germany]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Pavlov N. V. Rossiia i Germaniia. Nesostoiavshiisja aliians (istoriia s prodolzheniem) [Russia and Germany. The Failed Alliance (to be continued)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland, Bd. III. München, 1971.

Allardt H. Moskau Tagebuch. Beobachtungen, Notizen, Erlebnisse. Düsseldorf – Wien, 1974.

Bahr E. Zu meiner Zeit. München, 1996.

Dannenberg J. von. The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR. Oxford, 2008.

Lehmann H. G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn. 1996.

Ostpolitik, 1969–1974. European and Global Responses. Ed. by C. Fink, B. Schaefer. Cambridge (MA), 2009.

Niedhardt G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München, 2014.

Sarotte M.E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpolitik, 1969–1973. New York, 2001

Vogtmeier A. Egon Bahr und die deutsche Frage. Zur Entwicklung der sozialdemokratischen Ost- und Deutschlandpolitik vom Kriegsende bis zur Vereinigung. Bonn, 1996.